

Он отложил работу, подошел поближе, сорвал большой лист и, обвив его хвостом, принялся защищать Го Цзыаня от палящего солнца.

А освободившиеся руки позволили ему продолжить отжимать сок из сахарного тростника.

Го Цзыань сначала хотел сказать, что в этом нет нужды — он ведь мужчина, и нет причин вести себя столь неженково. Если у Бай Шаньцзюня так много свободного времени, лучше бы позаботился о собственной тени. Но стоило ему взглянуть на хвост Бай Шаньцзюня, как все слова застряли в горле.

Поскольку тело Бай Шаньцзюня находилось в постоянном движении, его хвост тоже то поднимался, то опускался, усердно стараясь укрыть спутника от солнца.

Это было донельзя мило.

Не удержавшись, Го Цзыань протянул руку и ухватил тигриный хвост.

Стоило ему это сделать, как Бай Шаньцзюнь всем телом задрожал, словно его коснулись какого-то уязвимого места, и мгновенно выдернул хвост обратно. Большой лист, который должен был упасть, Го Цзыань успел поймать на лету.

Встретившись с озадаченным взглядом Го Цзыаня, Бай Шаньцзюнь густо покраснел до самого цвета бронзовой кожи.

Как ему объяснить, что в зверином облике чувствительность определенных мест в разы выше?

Нет, о таком он и заикнуться не смел.

Бай Шаньцзюнь решил запечатать этот секрет в тайне и ни за что не говорить Го Цзыаню.

Сделав вид, будто ничего не произошло, он снова зажал хвостом злосчастный лист и продолжил давить сок, одновременно прикрывая Го Цзыаня от палящих лучей.

Сначала Го Цзыань не совсем всё понял, но вскоре до него дошло, в чем дело. Ему стало и смешно, и неловко, а еще немного боязно — а вдруг он задел что-то такое, чего трогать не следовало?

В прочитанных им раньше романах разве не было такого обычая: стоит кому-то прикоснуться к звериным ушкам, как это значит, что ты полюбил человека и обязан на нем жениться?

А что, если в племени Бай Шаньцзюня положено жениться за прикосновение к хвосту?

Го Цзыань вовсе не хотел портить репутацию чистого и невинного Бай Шаньцзюня, а потому тоже сделал вид, будто ничего не случилось, и сосредоточился на жарке курицы.

Бай Шаньцзюнь действовал споро: не успел Го Цзыань убедиться, что курица пропеклась насквозь, как тот уже закончил выжимать целый толстый стебель сахарного тростника.

Сока получилось так много, что он заполнил всю посуду Го Цзыаня. Те сосуды, где раньше плескалась вода, тоже теперь были заняты тростниковым соком.

Бай Шаньцзюнь обладал способностью замораживать, так что он тут же слегка охладил напиток.

Глоток сладкого тросткового сока вперемешку с кусочком жареной курицы, затем глоток ледяного сока — в такую жару это было истинным блаженством.

<http://bllate.org/book/19322/1890012>